

ГРУППЫ НЕНАВИСТИ В РУНЕТЕ: АРЕАЛЫ ИНТЕРНЕТ-РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-5-27>

Научная актуальность проведенного исследования определяется отсутствием теоретического анализа новых форм неполитических радикальных идей в цифровом пространстве Рунета, чреватых потенциальным экстремизмом. Его предметом выступают основные проявления неполитической активности деструктивной ориентации, а целью – их классификация и определение степени социальной вредности. Методология проведенного исследования включала в себя элементы как эмпирического, так и теоретического анализа. На основе проработки современной теоретической литературы по исследуемой тематике разработан комплекс критериев для идентификации интернет-сообществ, которые можно отнести к «группам ненависти». По соответствующему составленному тезаурусу проведен интернет-поиск при помощи как общих поисковых систем (Google), так и специальной программы поиска в социальных сетях (ВКонтакте). Полученный в итоге большой массив эмпирической информации был упорядочен и концептуализирован, а выявленные группы ненависти сопоставлены по ранее выработанным критериям. Новизна статьи заключается в критериальном и типологизирующем анализе систематически ранее не исследованного фрагмента радикальной активности в Рунете. В итоге разработан категориально-критериальный аппарат для выявления радикальных неполитических интернет-сообществ; установлены адресования их интернет-распространения; сопоставлены их общие и отличные признаки; определена шкала их социальной вредности. Материалы статьи могут заинтересовать как ученых-обществоведов (право, политология, социология, социальная философия), так и специалистов в сфере государственного управления и безопасности.

КРАСИКОВ

Владимир Иванович

доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

KrasVladlv@gmail.com

ФОМЕНКО

Елена Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент, ведущий научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

89266006361@mail.ru

**Группы ненависти;
маскулисты;
радфемы;
скулшутеры;
троллинг;
А.У.Е.;
догхантеры;
типология радикальных
интернет-сообществ**

Vladimir I. KRASIKOV

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Chief Researcher, Center for
Scientific Research, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

KrasVladlv@gmail.com

Elena V. FOMENKO

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Leading
Researcher, Center for Scientific
Research, All-Russian State University
of Justice (Moscow)

89266006361@mail.ru

HATE GROUPS IN RUSSIAN INTERNET: AREAS OF INTERNET DISTRIBUTION AND TYPOLOGY**

The authors believe that their article is relevant because it explores new forms of non-political radical ideas on the Russian internet. The subject of the research is the main manifestations of non-political activity of a destructive orientation. Its purpose is to classify and determine the degree of social harmfulness of this activity. The authors applied techniques of both empirical and theoretical analysis. First, they developed a set of criteria for identifying non-political radical Internet communities. They then conducted an Internet search for such communities using general and special search programs and a corresponding thesaurus.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-31650.

** Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project No. 20-011-31650.

**Hate groups;
movement for men;
radical feminists;
school shooters;
trolling;
A.U.E.;
dog hunters;
typology of radical Internet
communities**

As a result, they received a large array of empirical information, which they then ordered and conceptualized according to previously developed criteria. They believe that new in their research is the development of criteria and classification of scantily explored forms of non-political radicalism in the Russian Internet. As a result, they developed a categorical criterion apparatus for identifying Internet communities that can be classified as "hate groups". Then they identified the addresses of their Internet distribution. And finally, they determined the scale of social harmfulness of such communities. They hope that the materials of the article may be of interest to social scientists and governmental managers, as well as specialists in security problems.

Введение

Содержание российского сегмента Интернета неоднократно становилось объектом рассмотрения – с лингвистической, культурологической, социологической, политологической, философской и других точек зрения. Особенно пристально исследовались его радикальные фрагменты, потенциально опасные с позиции общественной безопасности. Причем здесь налицо неравномерное распределение приоритетов. Львиная доля усилий направлена на анализ ярко выраженных политических форм радикализма: политико-религиозного толка (прежде всего квази-исламский экстремизм), политико-националистического характера (шовинизм, сепаратизм и пр.), протестных движений системной и несистемной оппозиции.

Между тем в последние два десятилетия появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своем появлении и другими важными аспектами человеческого существования помимо политического, националистического или религиозного, такими как гендерный, возрастной, личностно-психологический и др. Их роднит с политическими формами радикализма интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей; отличает же – отсутствие определяющей политической вовлеченности. Подобные сообщества, группы приобрели, особенно в последнее время, большой и довольно негативный медийный резонанс, однако остаются вне поля внимания специального теоретического анализа, пребывая в основном в сфере публицистического дискурса. Это обуславливает научную актуальность и значимость предлагаемого исследования.

Степень изученности

Как уже было отмечено, существует большое количество работ, посвященных отслеживанию распространности политического, националистического и религиозного экстремизма и терроризма в интернет-сообществах, анализу их общих особенностей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Причем большая их часть сосредоточена на повторяющихся

аспектах: нарушениях информационной безопасности, корыстных преступлениях, совершенствовании правовых инструментов борьбы с ними, медиа и лингво-психологических особенностях экстремистской политической пропаганды в Сети. Есть отдельные работы, описывающие некоторые радикальные неполитические сообщества в Рунете [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28], однако отсутствуют аналитические и систематизирующие исследования, критериально обосновывающие самостоятельное качество данного феномена, в отличие от явно политизированных и протестных интернет-сообществ.

Цель, задачи

Целью данного исследования является разработка критериев и типологии современных форм неполитической радикальной активности (групп ненависти) в цифровом пространстве Рунета. Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение ряда задач. Сначала, полагаем, следует определиться с методологией исследования, включающей в себя выбор и обоснование ключевого концепта-критерия, с помощью которого можно очертить направления и границы поиска соответствующего эмпирического материала в Интернете. Это позволит получить большой массив информации, анализ которого приведет к отсеиванию известной его части – для формирования гомогенного состава, более точно подходящего исходной цели исследования. Следствием подобного анализа будет формулирование дополнительных критериев, которым должны отвечать отобранные интернет-объединения. В итоге мы сможем остановиться на ряде групп, которые могут считаться типичными выразителями того явления, которое и стало фокусом усилий нашего поиска и определительной работы. Однако это станет лишь стартом дальнейшего типологического анализа, задача которого – сопоставление выявленных групп по ряду общих мировоззренческих, социальных, организационных и лингвистических параметров. Его следствием явится реализация еще одной задачи – построения шкалы социальной вредности выявленных

групп ненависти и обсуждения возможных путей купирования их идеологии и деятельности.

Методология исследования

Как видно из представленных задач, их реализация потребует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования.

К числу первых можно отнести категориально-критериальный анализ – разработку основного и дополнительного критериев отбора материала, составление тезауруса; критический дискурс-анализ – исследование изменений дискурса, выводы о модальностях коммуникативного поведения и преобладающих его темах (выявление паттернов активности групп); комплексно-процессуальный метод – исследование лингвистических особенностей субкультурных языков, их модификаций; метод сравнительно-психологического и типологического анализа.

Методы эмпирического исследования, используемые в настоящем исследовании, – это сбор материала при помощи общих (*Google*) и специальных поисковых программ [29], информационно-поискового тезауруса; анализ текстового материала и продуктов коммуникативной деятельности, в частности контент-анализ (программа *TextAnalyst*).

Центральный концепт-критерий

Количество определений понятия ненависти необъятно. И это вполне ожидаемо от попыток дефинирования столь базовой человеческой эмоции. Мы выбрали определение А. Ребера [30]: это «глубокая, длительная, интенсивная эмоция, выражающая злость и враждебность к человеку, группе или объекту», она «характеризуется (а) желанием причинить вред или боль объекту эмоции (б) чувствами удовольствия от неудач объекта». Выбор обусловлен удачной и краткой атрибуцией основных качеств: интенсивность, длительность и захваченность людей этим чувством. Так, другие исследователи либо указывают не все, в целокупности эти важные характеристики, а по отдельности [31], либо включают в определения «ненависти» мало поясняющие метафоры (например, «крайний гнев, отвращение» и т.п. [32, с. 166]).

Понятие «ненависть», как, впрочем, и любое другое подобного уровня общности, может быть использовано в каком угодно дискурсивном контексте (обыденном словоупотреблении, публицистике, этике, психологии, метафизике, литературе и пр.), равно как и являться аспектом многих взаимоотношений – как личностных, так и групповых (в политике, экономике, религии и пр.). Ясно также, что на ненависти отчасти базируются и политически ориентированные группы традиционных форм экстремизма и терроризма, однако, как оказывается, ненависть имеет и вполне сильные неполитические мотивы, ориентиры.

Особенность нашего исследования заключается в поиске и анализе активности тех специфических групп (интернет-сообществ), у которых именно ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием. Главный критерий, по которому мы их выделяем, – ненависть как основообразующее для них начало; это стержень и смысл их существования. На первом плане у них не политика, религия, этнос, спорт (футбольные фанаты) или же свобода информации (хакеры), а интенсивное желание поражения в правах своего противника и самоутверждение посредством этого. Причем желание это является самодостаточным, а не есть аспект или же следствие общей мировоззренческой, политической позиции: как расизм или антисемитизм – в виде своего рода «приложения» или же эмоционально-враждебного фона в деятельности правых радикалов.

Особенности сбора эмпирического материала

Исследование проводилось в виде ручного интернет-поиска по заранее составленным и уточняемым в ходе практики тезаурусам с использованием как общих поисковиков (*Google*), так и специальных программ на базе социальных сетей (преимущественно ВКонтakte, отчасти *Twitter*, *Одноклассники*, *YouTube*) в феврале–апреле и июле–октябре 2020 г. По всей вероятности, немалая часть этих сообществ заняла свою нишу и в *DarkNet*, но в данной статье будет рассмотрена их деятельность в легальном сегменте всемирной паутины.

Как выяснилось, ненависти в Интернете и социальных сетях очень много. Это буквально море, в котором можно утонуть. Однако существуют интернет-сообщества, которые могут либо довольно интенсивно пользоваться риторикой ненависти, либо быть заподозрены в таковой, не являясь все же «группами ненависти». Об этом следует сказать несколько поясняющих слов.

Прежде всего было бы странным не сказать о мизантропии и мизантропических сайтах, претендующих на ненависть ко всем людям (человечеству в целом) в качестве, так сказать, «жизнеобразующей философии». Гуляет по Интернету даже специальный термин, как это часто бывает – русский англицизм, их обозначающий, – «пиплхейтеры». По слову «ненависть» ВКонтakte можно найти 191 группу. Правда, действительно мизантропичны не все: много околорасистских, околонацистских объединений (к примеру, «Ненависть и Злость»: <https://vk.com/club150412760>) или же групп, объединенных ненавистью по конкретным поводам (к «Дому-2», гопникам, бюрократам, коррупционерам, пробкам и многому другому). Однако все же 10–20% пабликов – точно законченные мизантропы (к примеру, «Ненависть»: <https://vk.com/public23682336> – 4017 участников).

Запрос по слову «мизантропия» дал более однородные сообщества (30 групп) типа «Записки Мизантропа» (<https://vk.com/public54585475> – 2276 участников) или «Грязные мизантропы» (<https://vk.com/club439564> – 110 участников), часто с довольно откровенным скоморошеством: «давно я что то не наведывался, вы... куски мяса, если вы за этот день хотя бы в уме не намотали ничьи кишки на люстру – день прошел зря, вы помните?» (здесь и далее приводятся названия и цитаты из Рунета с сохранением авторской лексики, грамматики и пунктуации).

По «дружественным» ссылкам можно выйти на меланхоличные «Депрессяшки» (<https://vk.com/depressyashki>) с впечатляющими 78 тыс. подписчиков, а также филиалами в *Telegram* и *Twitter*, или же родственный паблик «Каждый умирает в одиночку» (https://vk.com/jeder_stirbt_allein – 1444 подписчика).

После знакомства с их контентом, однако, убеждаешься все же в их общей социальной безвредности, несмотря на весь буффонадный *hate speech*. Здесь присутствует скорее безвредная «чистая» ненависть, трансформирующаяся в едкий сарказм и могильный юмор, потому и без больших последствий для объекта ненависти, ибо он здесь огромен, включая в себя всех, кто сильно раздражает, а таковых не только много, но и они постоянно калейдоскопически сменяют друг друга. Потому жало ненависти тупит, часто обращаясь на себя само же.

Футбольные фанаты, многочисленные сообщества которых также отличаются эскападами, живут все же спортом, не ненавистью, как и некоторые национально-культурные интернет-сообщества неполитического характера, имеющие зачастую явственные аспекты ненависти к другим этническим группам, которые все же не являются для них определяющими.

Отдельно стоит проблема фейковых сообществ типа так называемых групп смерти, спровоцировавших большой медийный резонанс, родительские тревожения и даже пристальный исследовательский интерес [33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42]. Знакомство с материалами вызывает много вопросов, прежде всего относительно субъектности пабликов.

Что собой представляют все эти «f57 Suicide 18+», «Белый кит», «Разбуди меня в 4.20», «I cut myself», «Скорби Душа Моя», «Некрес Психес», «Инсайдеры», «Море Китов» параллельно с сотнями их клонов? Содержание однотипно: психоделика, шок-контент, таинственность, многозначительность, раздача номеров на смерть, тематические игры с загадками. Кто не отгадывал, что значат странные символы, тот должен был симитировать самоубийство, опубликовав прощальный пост. Ясно, что некоторые могли воспринять эти игры всерьез, что крайне печально. Однако главное здесь в том, что в этих группах отсутствовала, как правило, совместно формируемая, на основе

ценностно-смыслового консенсуса, общая повестка – и дискуссий, и самих объединений. Многие исследователи согласны с мнением, что это скорее ролевые игры модераторов (под псевдонимами Филипп Лис, Мирон Сетх, Адам Бер, Ева Рейх и др.) с прицелом на хайп, где дети, подростки скорее манипулируемые. Подобные игры типа «нетсталкинга» эксплуатируют традиционно существующие у младших подростков практики ритуального испытания страхом [40], в отличие, кстати, от других молодежных интернет-сообществ, о которых речь пойдет далее.

Наконец, еще о некоторых группах, которым вменяется некая негативная энергетика, но также не являющихся по своей сути группами ненависти. Это так называемые падонки. Их субкультура, целиком связанная с Интернетом, привлекла к себе массовое внимание прежде всего за счет специфической формы сетевого общения – намеренного искажения правописания и постоянного вызывающего использования обесцененной лексики. «Речевой портрет» падонка дополняет подчеркнутый интерес к «низким» темам, связанным с насилием, сексом, отправлением физиологических потребностей (основные ресурсы в Рунете: Ресурс Удава: <http://udaff.com/>; Литпром. На страже духовности: <http://litprom.ru/>). Основой падоночества как контркультурного феномена полагают сочетание внутренней независимости от социума при внешнем приспособлении к нему. Исследователи определяют «креативы» падонков как форму «мужской» протестной литературы [43; 44].

Также это сообщество пранкеров (Prank.Ru: <https://prankru.net/>), находящих особую прелесть в телефонных и интернет-розыгрышах, в некой «мирной» и даже идеологически мотивированной [45] разновидности троллинга, о котором речь впереди.

Однако ни падонков, ни пранкеров невозможно отнести к группам ненависти. Они не ненавидят остальных, какие-то особые группы людей (разве что конформизм, обывательщину, банальность, корпоративное рабство, худшие формы социальной власти). Может, они изрядно издеваются, ерничают, но вряд ли ненавидят.

Подлинные же группы ненависти, объединяющиеся действительно на основе сильнейшей профильной эмоции против определенных категорий других людей, были выявлены в итоге по наличию в их названиях слов-маркеров, соответствующих их лексике: «маскулизм», «альфа», «мужское движение» (государство, путь, территория и т.п.), «инцелы», «феминизм», «чайлдфри», «женское движение» (власть, революция и т.п.), «сестринство», «пацаны», «братва», «шмары», «гопота», «жизнь ворам», «ненавижу школу», «уничтожим школы», «убить училку», «троллинг», «антизоофашизм», «реалистическая зоозащита» и некоторые другие.

Следует сказать, что условия поиска подобных групп изменились в последние два года – из-за политики блокировок Роскомнадзора, принявшего меры борьбы против них [46]. Он, по сути, вывел из легального оборота интернет-лейблы, прямо указывающие на профиль объединений, успевших дискредитировать себя в сравнении с более ранними исследованиями (2014–2018 гг.) этих групп [27]. Такие слова, как «скулшутинг», «а.у.е.», «догхантер» и некоторые другие, бывшие ранее маркерами этих сообществ, сейчас просто табуированы в легальном интернет-обороте, что в известной степени затруднило поиск. Потому пришлось использовать косвенные слова уже второго смыслового эшелона.

В итоге были выявлены «кусты» подобных групп, относящихся к какой-то общей категории, численность подписчиков с особым указанием наиболее массовых из них, установлены особенности коммуникативной активности этих деструктивных объединений.

Также описанный процесс сбора эмпирического материала привел к возможности сформулировать дополнительные критерии для выявления групп ненависти: устойчивое и четко-однозначное адресование ненависти; самостоятельность (субъектность) и дееспособность большинства; относительная стабильность смысловой тематики во времени (при возможном частом смене адресов), массовость. Это сообщества с какой-то совместно обсуждаемой платформой, общими мемами, устоявшимися объединительными образами, стилями мышления.

Ареалы и масштабы интернет-распространения групп ненависти

Под заданные критерии удалось выявить следующие характерные типы современных интернет-сообществ, которые можно отнести к «группам ненависти» неполитической ориентации:

- маскулисты и примыкающие к ним инцелы;
- радфемы (радикальные феминистки);
- тролли (хейтеры);
- сообщества криминализованной молодежи (А.У.Е. и др.);
- скулшутеры (колумбайнеры);
- догхантеры.

Остановимся на них более подробно.

Отношения полов, как известно, амбивалентны. Известной части людей, особенно молодежи, часто не удается найти удовлетворительные отношения с противоположным полом. И интернет-коммуникации создают невиданные ранее возможности для их объединения в особые сообщества с явно радикальными взглядами, которые часто могут переходить в соответствующее радикальное уже офлайн-поведение.

Так, это интернет-сообщества, выступающие в защиту мужчин, против неравноправного их положе-

ния в сравнении с женщинами и манипуляций со стороны последних.

До интернетовского формата они возникли в 60–70-х гг. XX в. на Западе – в контексте реакции на победоносное шествие феминизма. С появлением Интернета они получают и здесь устойчивую прописку (<https://avoicemen.com/>); также довольно быстро были воспроизведены и в Рунете.

Их основные современные интернет-локации

Судя по нашим данным, основная часть мужских сообществ радикальной направленности¹ пребывает в социальной сети ВКонтакте, хотя надо иметь в виду, что, как правило, у каждого из них есть десятки двойников, а также филиалы в основных интернет-каналах (*Telegram, Facebook, YouTube, Twitter, Instagram*). Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте были: «мужской», «маскулист», «альфа», «патриархат», «инцел» и некоторые другие.

Еще в апреле 2020 г. явным лидером среди них был паблик («Мужское государство»: <https://m.vk.com/patriarchat> – 160 тыс. подписчиков) в главе с медийно известным Владиславом Поздняковым, получившим условный срок за разжигание ненависти. Сообщество заблокировано Роскомнадзором, однако, похоже, его участники мигрировали в другие, вполне открытые, хотя и с теми же идеями. В итоге за несколько последних месяцев (апрель–июль 2020 гг.) они существенно приросли составом.

Это «1337 cons» (https://m.vk.com/godnota_txt) – рост с 113 до 126 тыс. подписчиков; куст объединений под лейблом «Альфа» (имеется в виду альфа-самец): «Alpha. Настоящий мужчина» (<https://m.vk.com/truealfa>) – рост с 45 до 70 тыс. подписчиков; «ALPHA MEMES» (<https://vk.com/mansmemes>) – 22 тыс. подписчиков и еще два сайта «ВК»: «Альфа Основа» и «Альфа Новости»; паблик «Тыжемужик. Не мужил – не служи» (https://m.vk.com/kokoko_man_must) – рост с 60 до 62 тыс. подписчиков; объединение «Мужское Движение» (<https://vk.com/mensrights>) – 36 тыс. подписчиков в июле; паблик «Национал-патриархат» (<https://m.vk.com/natiopat>) – 33 тыс. подписчиков в апреле, в июле заблокирован; YouTube-канал «Руслан Галеев. Мужское движение» (<https://www.youtube.com/user/RuslanGalyaevMusic>) – 30 тыс. подписчиков в августе; паблик «Мужской Путь» (https://vk.com/mans_way2018) – 22 тыс. подписчиков в июле; *Telegram*-канал белых патриархальных угнетателей (<https://t.me/tg1337const>) – 20 тыс. подписчиков в июле; «Противоядие/Мужское счастье» (https://vk.com/antidote_for_

¹ Следует особо оговорить, что предметом нашего рассмотрения является только традиционалистская часть российских маскулистов (но самая большая по численности среди других), именно которую и можно отнести к группам ненависти. Кроме того, есть «эгалитаристы» и «левые».

man) – 10,5 тыс. подписчиков. Им нет числа. Более мелкие сообщества по составу – «Территория свободных мужчин», «Эгалитарное мужское движение», «Маскулист», «Разумный Маскулизм» и т.п.

У многих из них есть свои структуры, многочисленные региональные отделения, их отличает оппозиционное отношение к власти, однако главный их враг – «реальный матриархат в стране».

Несколько комичным выглядит ответвление «мужского движения» «инцелы» (от англ. *involuntarily celibate* – недобровольно воздерживающиеся от секса). Сегодня это комьюнити гетеросексуальных молодых мужчин, считающих, что в том, что у них нет секса, виноваты женщины и нужны чуть ли не административные меры для восстановления справедливости. В России, правда, оно не столь популярно: не в нашей традиции апеллировать к властям и общественности по поводу личных сексуальных неудач. В социальной сети ВКонтакте насчитывается 13 сообществ, идентифицирующих себя как «инцелы» и насчитывающих от 1614 до 21 подписчика. Наиболее отчаявшиеся назвали себя симптоматично – «Злые инцелы» (<https://vk.com/public170112366>). Интересно, маскулисты относятся к инцелам снисходительно – как к мальчикам, у которых «не получается»: наставляют и успокаивают.

Общий тон содержания их контента: проклятые феминистки, у женщин завышенные стандарты в отношении мужчин, ущемляемые права мужчин, прежде всего отцовства, и их страдания.

Противостоят маскулистам, инцелам и другим «тыжемужикам» не менее решительные представители противоположного пола – радикальные феминистки (радфемы). От вполне почтенных суфражисток и либеральных феминисток их отличают именно радикальные, если не сказать «экстремистские», взгляды. Удивительно, что на подобный экстремизм как мужского, так и женского толка практически не обращают исследовательского внимания современные гуманитарии. Это как бы слепое пятно восприятия.

Основные современные интернет-локации радфемов

Медийная активность радикальных феминисток, вызывающая общественный резонанс и пристальный интерес молодежи, на порядок выше, чем у их оппонентов, и столь же, если не более, агрессивна: виртуальное появление в их социальной группе пользователя с мужским «ником» (в данном случае исследователя) вызывает немедленный ответ модератора, матерно предлагающего убираться восвояси как можно скорее.

Они имеют интернет-сайт «Информационный портал женского освободительного движения», российский филиал международного (<http://womenation.org/?s=%D0%9A%D0%94-16>), с большими инфор-

мационными ресурсами и с сопровождающим обширным тезаурусом их ключевых терминов-паттернов – с соответствующими идеологическими разъяснениями («Путь Лисистраты» – радикально-феминистский сайт: <http://leonatus.ucoz.ru/>). Подобный академизм не ведет к ожидаемым рациональности и рассудительности, ненавистью к «насильникам» буквально пропитаны их интернет-страницы. Основные площадки групп радикальных феминисток, как и остальных групп ненависти, находятся все же в социальной сети ВКонтакте, которая в наибольшей степени по своей организации является площадкой свободного онлайн-общения и консолидации. Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте были: «феминизм», «чайлдфри», «сестринство», «женская» и некоторые другие.

Наиболее крупная найденная нами здесь группа – «#Щастьебытьженой», сообщество глубоко разочарованных в браке женщин (https://vk.com/prelesti_braka), – 29 тыс. подписчиц. По запросу «чайлдфри» (жизнь без детей – это радость) – 20 групп от 17 тыс. подписчиц («Чайлдфри»: <https://vk.com/public37299503>). По слову «феминизм» – 29 пабликов от 4 тыс. подписчиц (<https://vk.com/public7879643>), «Proud of Being a Womyn» (https://vk.com/proud_of_being_a_womyn). Есть также Telegram-канал «Женская власть» (https://tgrm.su/channels/blogs/vlast_zh) – 31 тыс. подписчиц. Контент подобных групп сводим к ненависти, выраженной в крайне обесцененной лексике – «мужлишки», «рептилоиды», «плодячки», и распирающей гордости за свою уникальную идентичность.

Помимо сексуально-половой тематики определенную группу людей, имеющих выраженные нарциссически-психопатические и садистические наклонности, сильно занимает троллинг. Он-лайн троллингом называют речевую провокацию с целью эскалации коммуникативного конфликта. Причем троллям нужен не сам по себе конфликт, а агрессивное самоутверждение и подавление других. Многие источники датируют зарождение троллинга 80–90 гг. XX в. [19, с. 30]

Интернет-тролли стали образовывать собственные сообщества и организации, делясь опытом по наиболее эффективному разжиганию конфликтов. Казалось бы, негласным правилом троллинга является виртуальная анонимность, и мы полагали, что могут быть сложности в их исследовании и выявлении конкретных интернет-сообществ троллей. Но все оказалось проще.

Похоже, Роскомнадзору не хватает времени на всех: блокируют тех, кто либо прямо связан с политикой, либо вызывает общественный резонанс. Здесь же в основном сводят личные счеты, помимо, конечно, троллинга коммерческого (астротурфинга). Ключевыми словами для поиска групп троллей «ВКонтакте»

те» были: «троллинг», «флейминг», «кибербуллинг», «анонимус», «mr. Freeman» и некоторые другие.

Тролли, как оказалось, особо и не скрываются. По прямому запросу «троллинг» в названии сообщества только в Москве нашлось 100 групп, число подписчиков в которых от 1 тыс. до 10, причем 15 – актуально действующих в этом году. Это целая субкультура – со своими понятиями, ценностями и даже философской рефлексией (на тему самоопределения и категоризации троллей).

В самой большой по численности подписчиков группе под названием «Организация троллинга» (<https://vk.com/nechitayssilkypidor>) действительно договариваются о троллинге конкретных лиц, указывают адреса и пр., к примеру: «затрольте, пожалуйста, группу: ... напишите гадости про админа и что группа отстой. заранее спасибо!», «...затрольте эту падлюку, полное чмо», «Кто поможет затроллить двух тупых ванилек? Сценарий уже есть, но нужны добровольцы», «Привет, народ. Помогите убить морально однушку», «троллить одно удовольствие клюет говнецо на ура», «требуются тролли, работа на телефон! каждый звонок жертве оплачивается» («Маты и троллинг»: <https://vk.com/club110448399>) – и это самые приличные. Ожидаемо, и так оно и есть, что контент подобных групп сводим к коммуникации, выраженной сплошным матом, приправленной шок-контентом довольно низкого уровня¹. Однако какого-то адресного вектора ненависти нет, похоже на похабщину, которой упиваются подростки, общаясь между собой в подворотне, шалея от вседозволенности и своей «крутизны».

Если в отношении, так сказать, «простых гражданских» троллей образ «подворотни», использованный в предыдущем предложении, является скорее метафорой, то в отношении групп молодежи – сторонников так называемых блатных ценностей и образа жизни это точная характеристика.

Генезис блатной культуры, основанной на своих столпах-носителях – «ворах в законе», возводят к концу XVII – началу XVIII вв. Однако вышла из состояния маргинальности она в годы сталинских репрессий, когда значительная часть населения прошла через лагерь [48]. Были созданы своя мораль, свой кодекс поведения и даже своя незатейливая «философия». Уличные хулиганы (гопники), подростковые банды всегда были, так сказать, «резервом» криминального подполья в любом обществе, в том числе и в России. И с появлением киберпространства, социальных сетей молодые люди из известных слоев общества и местностей стали сбиваться в аналогичные подворотням виртуальные группы.

Причем эти группы не локальны, а хорошо скоординированы, существуют, так сказать, в «большом» Рунете в виде довольно тематически разработанного интернет-сайта «Быдла. NET» (http://bidla.net/forum/topic_8338/) с почти 9 тыс. зарегистрировавшихся. В отличие от просто настенных фото-объявлений здесь нечто уже вроде «концепции». Так, даже есть характерные рубрики: «Важное», «Пацаны», «Шмары», «Подруги», «Просили разместить», «Лохт», «Бенза», «Видюхи», «Послушать», «Почитать (!!!)», «Мусора», «Форум», «Зона».

Однако все же основное количество молодежи, так сказать, «гопнической направленности» пребывает в социальных сетях. Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте, ориентирующихся на воровскую культуру, были: «пацаны», «братва», «гопота», «воры (жизнь ворами)», «ненавидим мусоров», «шмары» и некоторые другие.

Наибольшее количество названий групп (2170), причем лишь по Москве, связано, так или иначе, со словом «пацаны». Кроме нескольких десятков объединений поклонников известного сериала, все же большая часть представлена молодежью, ориентированной на воровские ценности. Они актуально действуют и быстро прирастают. Причем впечатляет число подписчиков: так, у группы с мелодраматическим названием «Душа пацана» (<https://vk.com/public33009863>) их 517 тыс.

Другой популярный бренд – «братва» – с ним в Москве представлено 987 групп: от 5600 подписчиков в «топовой» группе «Будни пацана» (https://vk.com/budni_pazana), причем все группы именно «приблатненные». Группы, содержащие в названии слово «воры», насчитывают 275, «гопота» – 77, «шмары» – 36, «жизнь ворами» – 20 групп. Их контент сводится к картинкам с «пацанскими мудростями», фотографиям люксовых машин и полуобнаженных девушек. Иногда можно встретить цитаты из блатных песен, видео о ворах в законе и жизни на зоне.

История скулшутинга начинается 20 апреля 1999 г., когда американские подростки Эрик Харрис и Дилан Клиболд устроили бойню в школе «Колумбайн» штата Колорадо. Тогда были убиты 13 человек, еще 23 получили ранения, сами убийцы застрелились. Феномен «Колумбайна» во многом объясняется целым комплексом факторов, которые вкуче создали некий культ с большой примесью подросткового романтизма непонимания, неприкаянности и мелодрамы мести. Это образы самих террористов: черные плащи, очки. Голливудский сюжет: травля одноклассниками, непонимание со стороны родителей и часовая сладостная месть расстрела, записанный на любительскую камеру прощальный ролик и самоубийство. Кстати, снято порядка десятка фильмов о ненависти в школе, в том числе и под влиянием

¹ Анонимность, отсутствие хоть каких-то самоидентификационных идей, кроме лулза, позволяет некоторым исследователям [47] называть троллей мем-культурой.

истории Харриса и Клиболда. Не хватало лишь мощного звукового ряда, и он появился в 2010 г., когда инди-поп-группа «Foster the People» выпустила песню (клип) «Pumped Up Kicks», разошедшуюся тиражом в 4 млн копий, ставшую по сути гимном культа, с припевом: «Вам лучше бежать, лучше бежать быстрее моей пули». Наконец, появилась и литература – дневниковые записи самих убийц.

Проблемы всюду одни, и глобализующийся мир воспроизводит единые паттерны. В России произошло более 10 случаев совершения скулшутинга по образу последователей преступников из Колумбайна, из них наиболее массовым стал расстрел 17 октября 2018 г. в Керчи в местном политехническом колледже, когда 18-летний студент Владислав Росляков убил 21 человека, ранив 60. Совершение преступления напоминало убийство в Колумбайне (использование взрывчатых веществ, подражание одному из скулшутеров Колумбайна, самоубийство в библиотеке и др.).

Ключевыми словами для поиска подобных групп ВКонтакте были: «ненавижу школу», «убить учителя», «сжечь школу» и некоторые другие. По запросу «ненавижу школу» обозначились 417 групп с составом от 2578 участников в топе до 36 внизу списка; по запросу «убить училку» – 15 групп от 291 до 15 участников; по запросу «убей учителя» – 19 групп от 281 до 10 участников; по запросу «ненавижу учителей» – 25 групп от 218 до 10 участников; по запросу «сожжем школу» – 16 групп от 736 до 10 участников; по запросу «уничтожим школы» – 29 групп от 205 до 10 участников. Правда, контент подобных открытых сообществ, к тому же у многих не актуальный, а прошлых лет функционирования, вряд ли можно признать экстремистским. По большей части это инфантильный юмор школьников или же рекламные объявления репетиторов. Предположительно иной контент в закрытых пабликах (<https://vk.com/club1302617>).

Наконец, специфическая интернет-субкультура, так же как и «группы смерти», получившая большой медийный резонанс, чем ранее упомянутые, – это так называемые догхантеры. Сразу поясним, что в группы ненависти они попали не потому, что ненавидят бродячих собак, а потому, что питают сильную нелюбовь (взаимную) к радикальным представителям зоозащиты (зоофилам по терминологии догхантеров).

В конце 1990-х гг. в большинстве российских городов была ликвидирована служба отлова и появились большие стаи одичавших собак, которые стали буквально терроризовать население. Число этих стай увеличивалось и через внедрение в некоторых городах программ стерилизации бродячих собак (и выпуска их обратно «на волю»). 2007–2008 гг. стали пиковыми по числу роста нападений одичавших животных на людей. В то же время в постсоветские годы появились люди, увлекающиеся стрельбой из пневматиче-

ского оружия, перешедшие от традиционных мишеней (банки-бутылки) к актуальным: расплодившимся крысам, воронам, кошкам и собакам. 13 января 2010 г. был даже назван днем рождения догхантеров как отдельной субкультуры, когда они выехали помогать санитарным службам Санкт-Петербурга (которые, естественно, открестились от этого) отстреливать стаи одичавших собак в одном из районов области в связи с эпидемической опасностью и объявленным карантином по африканской чуме свиней.

Первые догхантеры появились в разделе «Пневматика» форума отечественных любителей оружия (www.guns.ru), затем возникли самостоятельные сайты и форумы, группы в социальных сетях ВКонтакте и LiveJournal, которые в большинстве своем во второй половине 2010-х гг. были либо заблокированы, либо «заморожены». Следует констатировать, что именно догхантерский словарь в наибольшей степени был «забанен» Роскомнадзором и из активного оборота, к примеру сети ВКонтакте, устранены многие слова из их лексикона («догхантеры», «кроухантеры», «ненависть к собакам», «псинобесие» и т.п.).

Однако пришло, по-видимому, новое поколение догхантеров, которые усвоили советы дедушки Крылова и стали выражаться более политкорректно – в русле борьбы против радикализма, позиционируя себя как антизоофашизм. Сегодня это такие интернет-сообщества, как «Зоорадикалам – НЕТ!» (<https://www.facebook.com/groups/www.zooradical.net/>) – 1,9 тыс. участников; «Трибуна защиты животных» (<http://www.animalsprotectiontribune.ru/>); «Движение реалистической зоозащиты. Пять свобод» (<http://forum.real-ap.ru/>); «Зоогуанизм. Независимый просветительский журнал» (<https://zoohumanism.com/>); «Зоошиза в агонии» (<https://vk.com/club192568236>).

Контент остается все же традиционным: «проблема бродячих собак можно решить просто и гуманно»; «в Петербурге наконец-то взяли за кошек»; борьба против «зоофашизма» и т.п.

Классификация групп ненависти

Теперь, когда мы определили основной круг «подозреваемых», настало время их сравнения для выявления общих и отличительных черт – с целью определения шкалы их общественной вредоносности. О том, что они вредоносны, свидетельствует опыт жизни сотен предшествующих нам поколений людей: ненависть между группами людей никогда ни к чему хорошему не приводила.

Выявление этих групп проходило по критерию «ненависти» как их системообразующего начала (смысла объединения) и основного идентификационного отличия. Соответственно их сравнение целесообразно начать с анализа различий в объектах ненависти (которые, напомним, всегда «субъектны» –

это некие другие группы людей), целей и средств деятельности в их отношении.

Далее, имея дело со сформировавшимися в целом субкультурами, уместно применить для их анализа структурно-семиотический метод, исходящий из допущения о структурном сходстве языка и культуры, связи означаемого с означающим. Означающее – это чувственно воспринимаемое в субкультурах: сленг, символика, нормы поведения. Означаемое, представленное в означающем, – ментальные конструкции: концепты, идеи или мифологемы [49].

Соответственно, в реальном поиске мы выявляем вначале означающее, затем на основании анализа выявляем смыслы означаемого. Однако при представлении итогов поиска и анализа в теоретическом виде мы идем обратным путем: от смыслов – к чувственной представленности. Думаем, это уместно – для концептуальной целостности подачи материала воспринимающему: от сущности к явлению, а не наоборот.

Таким образом, после сравнения ключевых объектов ненависти упомянутых групп мы сопоставим их основные ценности (смыслы), цели (задачи), лин-

гвистические особенности дискурса, символику, степени выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой, лидеров или «культовых персонажей».

Объекты ненависти

Хотя объединения, являющиеся предметом нашего анализа, и называются «группами ненависти» и это чувство является действительно профильным для них, все же есть и другие категории людей, с которыми эти группы каким-то образом выстраивают свои отношения (неприятель меньшей интенсивности: презрение, недоверие-непонимание), а с некоторыми могут иметь и некие связи приятности. Ясно также, что мы стараемся описать именно эмоционально насыщенные (ненавистью, неприятелью или приятелью) отношения, так сказать, их задействованной смысловой «вселенной». Многие категории людей находятся попросту вне этих отношений, иными словами, в зоне равнодушия и индифферентности, равно как и для многих сами эти группы – из области неизвестного.

Группы	Объекты ненависти	Причины ненависти	Неприятельные категории	Приятельные категории
Маскулисты (традиционалисты)	Феминистки и женщины, «пораженные высокомерием, потребительским и злобным отношением к мужчинам», ЛГБТ-сообщество	Переоценка маскулинности, триумф феминизма, дискредитация образа мужчины и отца посредством СМИ, социальных стереотипов, культуры и искусства	«Алени» или «баборабы» – мужчины, подчиняющиеся женщинам, политическая элита страны, насаждающая матриархат, леворадикалы, афроамериканцы	Русские националисты («Русские марши»), правые движения, национал-радикалы
Радфемы	Мужчины-сексисты, сообщества «в защиту мужчин», правые радикалы	Физическое, психологическое и сексуальное насилие над женщинами, выученная беспомощность и виктимизация женщин	Остальные мужчины, замужние женщины («детные») – это привилегированные пособники патриархата	Либеральный феминизм, левые интеллектуалы
Тролли	Живой отклик любой жертвы – это «еда» тролля, получить удовольствие от удачной атаки (<i>just for lulz</i>)	Для большинства характерны компенсаторные мотивы закомплексованности, агрессии; для меньшинства – мотивы самоутверждения и игры	Все те, кто не поддается на провокации, сохраняет выдержку, не дает манипулировать собой	Пранкеры, падонокки, рэперы
Сообщества криминализованной молодежи	Служащие органов порядка («менты», «легалые», «мусора»)	Фрустрации, низкий жизненный уровень, социально неблагополучные семьи и проблемные регионы	Молодежь не их круга («быдло», «чмори», «лохи»), государство и его институты	Спортсмены силовых видов спорта, футбольные фанаты
Скулшутеры	Ненависть к не принимающему их конкретному социальному окружению – обидчикам и угнетателям	Фрустрации со стороны сверстников; негативная обстановка в семьях, личные психологические проблемы и дисфункции (различные комплексы, депрессии)	Так называемые успешные ученики, объединенные в разного рода «клики», «банды»: физически более сильные, агрессивные, с большим самомнением	Другие школьные аутсайдеры, мстители и борцы за справедливость
Догхантеры	«Зоошизики» – люди, занимающиеся прикормом и защитой беспризорных стай собак	Гиперактивность защитников «прав» бездомных собак, приводящая к многочисленным случаям покуса и смерти детей, заражений бешенством	«Псинолюбивое» местное население, собачники (т.е. держащие дома собак)	«Стрелки» крыс, ворон

Как видно из сопоставления распределения внимания исследуемых групп, объекты их ненависти имеют конкретные социальные адреса и устойчивые идентификации, за исключением «троллей», которые не выработали ни своей полноценной групповой сплоченности (ни в онлайн, ни тем более в офлайн), ни противопологаемого социально определенного антагонистического образования в силу своей принципиальной анонимности (даже среди «своих»). Причины ненависти ожидаемы и понятны – это всегда фрустрации и обиды, независимо от того, насколько они реальны, от кого они происходят и насколько они социально необходимы, – они всегда повсеместно присутствуют в нашей жизни.

Ключевые ценности, кем и как реализуемы

Группы ненависти так и названы в силу того, что ненависть к конкретным социальным адресатам определяет сам смысл существования этих объединений, когда людям интересна именно сильная нелюбовь к какой-то категории, группе («дружим против того-то и того-то»). Подобный объединительный импульс предопределяет и общие ценности, и структуры соответствующей активности. Также сюда органично примыкают источники рекрутирования в группы ненависти – они далеко не случайны, сюда приходят и остаются вполне определенные люди.

Группы	Ключевые ценности	Контекст происхождения ценностей (социо-демографический)	Паттерны активности
Маскулисты (традиционалисты)	Возвращение к патриархальному строю, национализм (запрет на межрасовые браки). В отношении с женщинами лучше не вступать, если вступать – то лишь для того, чтобы «попользоваться», и уж тем более не жениться	Молодые лица мужского пола (≈ 14–30 лет), переживающие сексуальные фрустрации, склонные к девиациям из-за трудной жизненной ситуации. Их коммуникации с противоположным полом разрушены или носят фрагментарный характер	Пропаганда идеалов движения, коллективные набеги в комментарии к постам феминисток в соцсетях, «проверки» на честность женщин в Рунете, сходки (офлайн) местных групп: игра в футбол, обучение стрельбе и дракам
Радфемы	Ненависть к «патриархату» (системе мужского господства и насилия) и «Социальному стокгольмскому синдрому женщин», сепарация и женская группальность, формирование особого классового (само) сознания женщин, неприятие секс-позитивности (http://womenation.org/radfem-paradigm/)	«Рекрутируемый материал»: фрустрированные неудачами брака и отношений с мужчинами молодые женщины (≈ 16–30 лет), вконец изверившиеся в противоположном поле, идейные женщины старшего возраста	Отказ от общения с мужчинами в радикально-феминистских группах, сестринство (союзничество между женщинами), упреждающее насилие (изучение боевых искусств)
Тролли	Анонимность в интернет-коммуникациях, возможности экспериментировать с собственной идентичностью и формами самопрезентации, игнорирование должного в пользу непредсказуемого и стихийного. Желание быть участником экстремального общения, стремление повысить самооценку, привлечь внимание к своей персоне, самовыразиться и одновременно развлечься	В основном молодые люди, превращающие социальные сети, электронную коммуникацию в пространство эмоционального выброса агрессивности, разрядки и реализации своих возможных девиаций	Толстый троллинг: прямые оскорбления, переход на личности, открытые угрозы. Тонкий троллинг: стремится произвести впечатление интеллигента, искусный манипулятор. «Эльфтинг»: неумеренный нарочитый хвалебный стиль в отношении жертвы
Сообщества криминализованной молодежи	Система ценностей блатного мира: преступления, а не полезный труд; культ безмерного чувственного удовольствия (выпивка, наркотики, секс, хулиганство-преступления); условная социальность («братва», «общак», «авторитеты»); brutality (душевная грубость и примитивизм)	Маргинальная молодежь социальных низов и депрессивных регионов – следствие проблем, связанных с расширением бедности, незащищенности, исключением молодых из реальных секторов общественной жизни	Попойки, драки «за район», запугивания, провокации и шантаж в отношении одноклассников, установление жесткой иерархии и криминальных порядков в учебных заведениях
Скулшутеры	Неонационалистическая идеология (идеи А. Гитлера, А. Брейвика, Б. Таррента и др.)	Молодые люди (16–19 лет) с комплексом неполноценности, собственной недооцененности обществом, у которых конфликтные коммуникации со своими одноклассниками и учителями, родителями	Участие в ролевых играх, касающихся тем скулшутинга, интерес к оружию, распространение материалов о скулшутинге, историческая реставрация событий скулшутинга

Догхантеры	Декларативно: безопасная городская среда, очистка городов от переносчиков болезней и паразитов. Реально: трудно отрицать их ненависть к зоозащитникам и охотничий азарт убийств живых существ	В основном менеджеры среднего звена, служащие силовых структур, мелкие клерки и т.п., часто закомплексованы и с низкой самооценкой [27, с. 33, 35]	Отстрел и потрав собак, борьба в Сети с зоозащитниками, пропаганда своих идей, обучение технике уничтожения бродячих собак
------------	---	--	--

Анализ-сопоставление ключевых ценностей исследуемых сообществ приводит к довольно неожиданному выводу: все они разделяют эмансипационный порыв, но весьма специфического свойства. Это свобода от ряда обязательств, накладываемых обществом, некоторых традиций, перекраивание в свою пользу соотношения разрешений и запретов. Именно подобной «новой свободой» они и привлекательны для молодого поколения, являющегося их основным «электоратом». Так, гендерные сообщества стремятся освободиться от «тирании» противоположного пола, а реально – к установлению своего нового контроля. Тролли жаждут свободы от персональной ответственности, анонимности как своего рода полного карт-бланша на самодурство. Скулшутеры требуют ресентимента как «революции» полного перевора-

чивания ролей господ и угнетателей, хотя бы в своем маленьком приватном мирке. Криминализованная молодежь стремится превратить социальный мир с его конвенциональными нормативными конструкциями в «сумеречную зону» понятий преступного мира, а догхантеры под благовидным предлогом гуманизма и санитарии реализуют свои потаенные желания освобождения от фундаментального запрета культуры на убийство.

Цели (задачи), средства достижения

Ценности сообществ трансформируются во вполне ожидаемые цели, задачи и средства, иначе бы терялся сам смысл объединения людей в сообщества. И здесь очень важно разобраться в том, к чему реально стремятся эти группы и как это подается.

Группы	Цели	Задачи	Средства достижения
Маскулисты (традиционалисты)	Отношения с женщиной без обязательств, на своих условиях, создание систем по контролю женщины	Борьба за женскую нравственность, против женской продажной любви, против женских измен	Распространение своих идей в Рунете (просвещение), интернет-активность в противостоянии неприязненным группам, на повестке дня вступление в политику: борьба против «лжеизнасилований», алиментной системы, создание политической партии
Радфемы	Дискредитация, выражение всяческого презрения мужчинам, сексистам по определению	Предельно возможная автономизация от мужчин, борьба против порнографии и секс-индустрии, контроль над своей репродуктивной функцией и собственным телом	Обличение андроцентризма в экономической, общественной и символической системах, деконструкция патриархального языка, создание женских сепарированных пространств (группы роста самосознания или «пересоциализация»), целибат (незамужество), политический активизм, контркультурная революция
Тролли	Лулзы (от англ. <i>laugh out loud</i> – громко смеюсь). Лулзы – это радость от страданий жертвы, над которой смеются тролли	Испортить обсуждение, распространить вредный совет, деструктивную идею, разрушить чувство взаимного доверия	Провокация, подстрекательство, обман, клевета, агрессия, издевательство, оскорбление, шельмование
Сообщества криминализованной молодежи	Пить, гулять, без оглядки на окружающих, еще и презирать и унижать их; терроризировать их, особенно сверстников, бравлируя своей силой и наглостью; навязывать свои порядки	Преступления, обогащение за счет других, эпатажное потребление спиртных напитков, наркотических средств и т.д., пренебрежение к труду	Соблюдение «воровского кодекса», его интернет-пропаганда, сбор денежных средств, продуктов, одежды в «воровской общак», нападения на отделы полиции для освобождения своих сверстников, задержанных за административные нарушения [24, с. 250], подготовка к тюрьме как позитивному будущему (инициация на взрослость)
Скулшутеры	Месть обидчикам, утверждение своей значимости, посмертная слава и многочисленные обожающие последователи	Убить конкретных обидчиков-мучителей, нанести вред молчаливому безучастному большинству	Угрозы убийства, предупреждение окружающих о подготовке нападения, публикация в социальных медиа сообщений с датой, ключевой фразой с использованием характерных смайликов «оружия, черепа» и др., демомотиваторы с высмеиванием учителей, их депозитивация

Догхантеры	Троллинг «зоошизы», убийство бездомных собак	Дискредитация людей, прикармливающих и защищающих бездомных собак	Приобретение оружия и ядов, инструктаж по их использованию, убойным зонам на теле собаки, описание способов приготовления отравленной приманки, сбор досье на активных зоозащитников, тролление их сайтов
------------	--	---	---

Цели реальные здесь довольно-таки очевидны и связаны все с тем же профилирующим чувством ненависти к определенным группам. Это всегда месть и презрение обидчикам (коварным женщинам, мужчинам-сексистам, родителям, учителям, собачникам). Все это, однако, непременно маскируется благовидными прикрытиями, такими как «борьба с реальным матриархатом в стране», или «политическая организация для разрушения системы половых классов: освобождение женщин», или «жизнь по «воровским понятиям»», «свобода самовыражения», или «зоосанитарная безопасность». Вместе с тем надо отдавать себе отчет в том, что для известной, настроенной идеалистически, части людей это не «благовидное прикрытие», а их жизненно образующие цели.

Лингвистические особенности дискурса: тезаурус и основные нарративы

Неотъемлемым признаком любой новой субкультуры является создание словаря специфических понятий, которые востребованы для создания своей особой картины мира, предстающей в серии повторяющихся «классических» рассказов (нарративов). В понятиях предстает значимое окружающее с определенного угла зрения, профильного для данной субкультуры, а нарративы сюжетно раскрывают понятия, складываясь, как паззлы, в некое характерное мировоззрение.

Группы	Лингвистические особенности дискурса	Тезаурус: основные понятия, в которых предстает значимое окружающее	Основные нарративы: популярные типичные повествования
Маскулисты (традиционалисты)	Стремление к демонстрации «крутизны» (брутальность, насилие) и показательной рассудочности, широкое использование ненормативной лексики, обилие неологизмов	<i>Real man</i> , маносфера, «альфа-мужчины», камрады, «ОЖП» (особы женского пола), «СДС» (с**и – дуры – стервы), «РСП» (разведенка с прицепом), «Наташки» – «Ваньки», «баборабы», фемло, петушня, гиноцентризм, принцеждалки	Господство вагины и ЛГБТ; горестная жизнь подкаблучников («аленей»); загнивание Запада; падение мультикультурализма; возрождение русского духа; расистские сюжеты об ущербности небелых рас; проектирование «идеальной женщины»: честна, услужлива, порядочна, покорна и верна; сексуальный хищник, получает секс от кого хочет
Радфемы	Чрезмерная эмоциональная возбудимость, скандальность и вербальная активность, показное и избыточное использование ненормативной лексики, обилие неологизмов	Мужло, чайлдфри, неопатриархат, научение беспомощности, менсплейнинг, сестринство, внутренняя мизогиния, пересоциализация, мизандрия, патриархальная андроцентричная Рашка	Борьба с мужчинами как половым классом; создание групп роста самосознания; разоблачение «культуры изнасилования» и «сутенерского лобби»; контроль над внешностью, сексуальностью и репродуктивностью; «любовь» – инструмент подчинения женщин
Тролли	Разновидность языка вражды, строится на ерничестве, мелких издевательствах, оскорблениях, приписывании негативных свойств, экспрессивно-окрашенная лексика, инвектива, грубо-просторечные слова и т.д., естественная или искусственно создаваемая безграмотность	Первонах, срочеразжигатели, флуд, игнор, флейм, боян, офтопик, медиа-атака, холивары (<i>holy war</i>), кибербуллинг, «пукан бомбит», «рванул пердак»	«Шоковая техника» – агрессивное опровержение общего мнения, резкое расхождение с оценкой большинства участников коммуникации; «переход на личности»; негативная оценка коммуникативной компетентности речевого партнера; комментатор, провокатор, герой-любовник
Сообщества криминализованной молодежи	Общение малоинтенсивно, предпочитают визуальный ряд в соцсетях: фото, граффити, краткие надписи и клипы, более сложные текстовые словесные самовыражения редки, очень обедненная лексика: приторные – по слезливости и банальности – «мысли»	Пацаны, легавый, мусора, шмалево, общак, смотрящий, чифир, арестантский уклад един, А.С.А.В., шмары, лохи, терпилы, чмошники	Вечеринка (день рождения, выход «на район») с обязательным обильным возлиянием; столкновения с правоохранителями; рассказы о зоне, воровских авторитетах; разного рода криминальные сюжеты; спорт с элементами насилия

Скулшутеры	Навязчивое присутствие в текстах слов, обозначающих насилие, причем в заданном «героями-основателями» формате: «бойня», «заложники», «убивать» («стрелять»), «взрывать», «вышибу мозги», «отомщу им за все», «не приходи завтра в школу»	Колумбайн, скулшутеры, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, апрельские мальчики, всех перестрелять, пустить кровь, расстреляю школоту, вышибу мозги училке	Рассказы о скулшутинге, насилии, личности убийц: их дневниковые записи, записи из медицинских карт, фото из семейного архива, подробное описание последовательности событий преступления; тип оружия, предпочтения в еде
Догхантеры	Речевая агрессия догхантеров воплощается в сниженных речевых средствах. Их виртуальная коммуникация имеет арготический характер, выполняя функции самоидентификации и самооправдания, чтобы обезопасить себя от обвинения в экстремизме и жестокости	Зоосеки, зоошиза, псиносрач (горячее обсуждение темы отношения к бездомным собакам), блоховозы, отравление на радугу (убийство собаки), псинобесие, зооматеринство, кастрюлечницы (кормящие собак на улице), вкусняшка-ластфуд-усыпляшка (сосиска или котлета с изониазидом)	Видео отстрелов и отравлений бродячих собак приманками с изониазидом, тролление сайтов зоозащитников, приютов для собак

Для всех без исключения субкультур характерны ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение речевых средств. В тезаурусе преобладают оскорбительные характеристики, прежде всего своих врагов (принцеждалки, фемло, мужло, мусора, лохи, школоты, училки, зоосеки, зоошиза). Нарративы созданы как для запечатления своей неординарности и монументальности, так и для обуздания врага. Среди них почетное место занимает именно насильственное обуздание ненавистника: сексуальное хищничество, контроль над сексуальностью, шоковые техники, драки, расстрелы, отстрелы и отравления.

Символика

И вполне естественно возникновение символического ряда, сопровождающего появление каждой новой субкультуры во всевозможной гамме ее самовыражения. Сюда включаются как чистая символика, т.е. абстрактные стилизованные изображения или обозначения, повседневная атрибутика или сопутствующие характерные одежда, обувь, стрижка, так и атрибутика, специфичная именно для современной медийной-(интернет) культуры – особое визуально-звуковое сопровождение.

Группы	Символы	Атрибутика (цвета, одежда, стрижка и пр.)	Популярные визуальные образы, сюжеты, мемы	Музыка
Маскулисты (традиционалисты)	Сжатый кулак, заключенный в щит, и копье Марса (♂)	Пурпурный цвет, милитари-стиль: короткие стрижки, соответствующие одежда и обувь	«Матрица», красная таблетка, полуголые культуристы и киномацо, внедорожники, неприглядность сексуальных меньшинств, гримасы леволиберальной политкорректности, воинственность/мужественность	Металл, рэп, индастриал, но обязательно в стиле мужественности, воинственности и пафоса
Радфемы	Сжатый кулак, заключенный в зеркало Венеры	Лиловый цвет, мода на мужские вещи, на свободные объемы, на всяческий херитедж и стрит-фэшн, на Фиби Файло и Стеллу Маккартни	Горестная история многовекового угнетения женщин; постепенное пробуждение женского самосознания; всеобъемлющие иезуитские системы контроля над женщинами со стороны неопатриархата; сепарация и новые формы жизни женщин: контроль над собственным телом (самооборона) и сознанием	Обращают особое внимание на тексты песен с соответствующим содержанием (свободная женщина) от поп-музыки до «панк-рок-феминизма»
Тролли	Trollface ¹ , кащенитские эмблемы	Отсутствует	4chan ² , Mr. Freeman ³ , кащеннизм ⁴ , упячка ⁵	«Мистер Трололо» ⁶ , «Аццкая Сотона» ⁷

¹ Простая черно-белая картинка с расплывшейся самодовольной и издевательской ухмылкой, созданная в 2008 г. художником *Whynn*, стала символом троллинга и троллей.

² Известный имиджборд, который в начале 2000-х гг., собственно, и ввел в массовый оборот слово «тролль» в его современном смысле.

³ Проект «А ты уверен в том, кто ты такой и что ты существуешь» 2009 г., стал персонализированным собирательным персонажем, используемым в том числе и для эпатирования общества; у канала *Mr. Freeman* на *YouTube* более 73 млн просмотров и 745 тыс. подписчиков.

⁴ Стиль общения на форумах, характеризующийся «психиатрическими» высказываниями.

⁵ Интернет-мем, сайт с разившейся на нем неформальной субкультурой, ставящей задачу бороться со скукой («унылым говном») в сети.

⁶ Вокализ Эдуарда Хиля «Я очень рад, ведь я, наконец, возвращаюсь домой», снятый в 1976 г., стал своего рода «гимном» интернет-троллей.

⁷ «Аццкая Сотона» – виртуальная «пузи-блэк-метал» группа, пародирующая штампы экстремального жанра блэк-метал, его сатанизм, ненависть к христианству.

Сообщества криминализованной молодежи	Восьмиконечная «роза ветров», «звезда воров»	«Классика жанра»: спортивные костюмы, «качалки», короткие стрижки, армейские ботинки и т.п.	Многочисленные фотографии «пацанов» в героических позах, культ силы, оружия; в почете Бодров-младший, герои «Бригады», гангстерские фильмы, смакования унижения полицейских, видеозаписи драк	Шансон, прибитая музыка: «Сектор газа», «Бутырка», «Лесоповал» и др., рэп, панк
Скулшутеры	Использование нацистской и сатанинской символики, аватарки – в виде фото скулшутеров или их комиксных вариантов, рисунки (кровь, оружие, мишени)	Широкие штаны с карманами, белая футболка (надписи типа: «Естественный отбор», «Ненависть», «Гнев» и др.) и длинный черный плащ, высокие ботинки	Интерес к материалам с шок-контентом: убийства, самоубийства, происшествия, терроризм, пытки, живодерство; интерес к информации, содержащей описание методов и способов убийства/насилия/самоубийства/изготовления оружия и взрывчатки; оправдание убийства и убийц, мысли о красоте убийства; видеоконтент: «Слон», «Класс», «Боулинг для Колумбины», «Апрельские дожди»	<i>Foster The People («Pumped up Kicks»), Rammstein, KMFDM</i>
Догхантеры	Скурагин (мем, обозначающий «стахановца-догхантера»)	Отсутствует	Черный джип, потравы домашних собак, стаи бродячих собак вновь атакуют, «Догхантер» (2016) – корометражка, фотографии «трофеев»	Отсутствует

Сопоставление символики исследуемых субкультур (групп ненависти) приводит к следующим любопытным выводам: наиболее развита символика (и абстрактная, и повседневная, и визуально-звуковая) у тех из них, которые устойчиво и легально представлены не только в онлайн, но и в офлайн (маскулисты, радфемы, криминализованная молодежь). Чисто онлайн-группы (тролли), равно как и находящиеся на нелегальном положении (догхантеры), имеют скудно представленную, по крайней мере в Рунете, символику, сводимую в основном к ее абстрактной визуально-звуковой составляющей. Бросаются в глаза явно общие черты этих субкультур в символике: агрессивность (сжатые кулаки – и у маскулистов, и у радфемов), тяготение к воинственности (милитари) и насилию в визуальных образах.

Степени выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой

Данная характеристика весьма важна при анализе степени развитости субкультуры, которая оформляется рано или поздно при достаточно длительном существовании групп, объединенных единым профильным интересом, в особенности если он достаточно акцентирован, как в случае с нашими группами. Анализ этой характеристики показывает, насколько далеко зашел процесс самоотделения и самоотличения – как, так сказать, от «бэкграунда» самого общего плана (корневых традиций отечественной культуры), так и от современного культурного контекста. И последняя графа показывает, насколько далеко группы продвинулись на пути «субкультурного строительства» – в складывании уже своих характерных культурных форм.

Группы	Отношение к общезначимым традициям	Отношение к современной общезначимой ценностной сфере	Оформление своих традиций, громкие акции
Маскулисты (традиционалисты)	Приветствуется «естественное» разделение функций, жизненных стилей мужчин и женщин, женское целомудрие	Сегодня в обществе установился матриархат: активно навязывается демонизация мужчин и идеализация женщин	Преследование россиянок, вступающих в личные отношения с иностранцами на Чемпионате мира по футболу летом 2018 г.
Радфемы	Так называемые общепринятые традиционные ценности отвергаются как патриархатные и дискриминирующие женщин; признаются лишь «свои» традиции начиная с эпохи Просвещения: либерального, марксистского, социалистического феминизма, суфражизма, квир-феминизма, политического лесбиянства	Критическое отношение даже к либеральным ценностям (свобода, выбор) как дезориентирующим аутентичные женские группы, прикрывающим культуру изнасилования и сутенерское лобби. Себя позиционируют как идейного преемника американского радикального феминизма 60–70-х гг. XX в.	Учреждение интернет-премии «Сексист года», несанкционированные уличные акции протеста (<i>acción positiva</i> , КД-16), «панк-молебен» <i>Pussy Riot</i> ¹ , «дело Слуцкого» (2018 г.) ² , лоббирование «закона о профилактике домашнего насилия»

¹ Политкорректный перевод «Бунт Вагин»; в феврале 2012 г. несколько девиц выплясывали в православных храмах, сделали ролик и выложили на *YouTube*.

² В 2018 г. группа либеральных журналисток обвинила председателя Комитета Государственной Думы по международным делам Леонида Слуцкого в сексуальных домогательствах.

Тролли	Позиция троллей к общезначимым традициям: устойчивая эмоциональная диссоциация (отстранение). Тролль надевает маску безразличия, эмоционального дистанцирования	Такая же позиция <i>трикстера</i> и по отношению к современным ценностям, культурной логике социальных сетей, которая высоко ценит открытость, чувство общности, сентиментальность, которые искусно высмеиваются троллями	«Обама – социалистический Джокер», «Ржать, жрать, спать», «Вы – куски мяса, зажатые рамками быта и работы», « <i>Dust – Joy It</i> »
Сообщества криминализованной молодежи	Из общезначимых традиций признают лишь семейные и дружеские: «за своих родных и друзей любого порву», «я плохой сын хорошей матери». Вместе с тем ориентированы на блатные традиции	К современным ценностям отношение отрицательное (образование, карьера, семья), так как жизнь вора предполагает существование в своей особой реальности при отторжении нормальной повседневности	«Вписки», или «посвящения» («посвят»), – прием в А.У.Е., сбор средств в «общак», следование «понятиям», преследование «изменников»
Скулшутеры	Вне зон интереса	Вне зон интереса	Романтизация поведения скулшутеров: трансляция биографических фактов, цитат; популяризация идеи скулшутинга – через визуальные образы, мемы, онлайн-сообщества, ролевые игры, спецканалы в мессенджерах
Догхантеры	Вне зон интереса	Вне зон интереса	13 января – «день догхантера»; массовое отравление домашних собак в парке 50-летия Октября (Москва) в конце сентября 2012 г.

Как можно видеть из сопоставления отношения групп к традициям и общезначимой ценностной сфере, а также их притязаний на собственное культурное оформление, они имеют достаточно выраженный контркультурный характер. Последний, однако, сильно зависит от степени офлайн-присутствия групп.

Персонализация: лидеры (могут быть мемами или легендарными) или «культовые персонажи»

Предлагаемая рубрикация позволяет в некоторой возможной степени персонализировать, особенно

в отношении лидерства, эти – в общем-то, абстрактные для привычного чувственно-личностного восприятия, пребывающие в электронном пространстве и в мерцании мониторов компьютеров – «сущности» данных рунет-сообществ. Естественно, следует отдавать себе отчет в условности приписывания качеств «лидерства» и «культовости» тем или иным личностям – для многих участников групп они вполне могут и не быть таковыми. Однако в целом, на основе массивов информации об этих группах, можно выставить их в качестве достаточно характерных ориентиров.

Группы	Лидеры	Культовые персонажи	Персонифицированные враги
Маскулисты (традиционалисты)	Владислав Поздняков ¹ , Олег Новоселов ² , Александр Бирюков ³	Дональд Трамп, Эллиот Роджер и Алек Минассиан (инцелы) ⁴	Лидеры отечественных феминисток
Радфемы	Ольгерта Харитонов ⁵ , Александра Митрошина (2,8 млн подп. в <i>Instagram</i>), Ника Водвуд (158 подп. в <i>Instagram</i>)	Валери Соланас ⁶ , Андреа Дворкин, Кейт Миллет, Суламифь Файерстоун, Эдриенн Рич, Моника Виттиг	Лидеры отечественных маскулистов, Дональд Трамп, ультраправые публицисты: Роджер Делвин, Эндрю Энглин, Грег Джонсон, Лана Локтев ⁷ , «секс-турист» Дарьюш Вализаде, больше известный как Roosh V. Руш
Тролли	Пранкеры: Vovan222, Евгений Вольнов	Fuck.ru, Линксы (<i>Linxy</i>)	Николь Салливан ⁸

¹ Создатель крупнейшего сообщества в ВКонтакте – «Мужское государство» (свыше 150 тыс. подписчиков, запрещено Роскомнадзором), в декабре 2018 г. приговорен к двум годам лишения свободы условно по ст. 282 УК РФ – о возбуждении ненависти к женщинам.

² Автор резонансных книг «Прикладная этология человека», «Женщина. Учебник для мужчин» и др.

³ Создатель паблика «Мужское просвещение» (<https://vk.com/maleeducation> – около 20 тыс. подписчиков), автор десятка книг, блогер.

⁴ Первым в 2014 г. убил шесть человек. Перед самоубийством он выложил на *YouTube* рассказ о своих взглядах: о ненависти к женщинам за то, что к 22 годам остался девственником и даже ни разу не целовался. Многие инцелы считают его героем. Второй вдохновлялся его примером: наехал на мнивиэне на пешеходов: девять человек погибли и 14 были ранены; среди жертв преимущественно женщины.

⁵ Писательница, автор многих книг, в том числе «Манифеста Феминистского движения России».

⁶ Авторка «*SCUM Manifesto*», стреляла в Энди Уорхола (1968 г.).

⁷ «Женщины в роли врага: пересечение ультраправой идеологии и антиженского насилия. Отчет Анти-Диффамационной Лиги» (США, 2018 г.).

⁸ Одной из первых исследовала мотивацию, стратегии троллей (программная речь «Не кормите троллей» на конференции *Fluent* 2012 г.).

Сообщества криминализованной молодежи	Воровские авторитеты прошлого и настоящего, администраторы своих сайтов	Воровские авторитеты, воры в законе, известные бойцы без правил, борцы	Игорь Комиссаров ¹ , правоохранители всех уровней
Скулшутеры	Актуальные лидеры неизвестны, так как участь скулшутера суицидальна по определению, в России наиболее известны погибшие Михаил Пивнев, Владислав Рославлев	Э. Харрис, Д. Клиболд, Дилан Руф, Митчел Джонс, Эндрю Голден, Джефри Уиз, Сын Чи Хо	Наиболее популярные одноклассники, молодежь из богатых семей
Догхантеры	«Гамлет» ² , Алексей Святогор ³	«Пожилой велосипедист» (Владислав Добрынин) ⁴ , Дмитрий Худояров ⁵	Многочисленные защитницы животных (зоозмо, зооматери и псиноведьмы), Г. Явлинский и «Яблоко»

Как и следовало ожидать, наиболее конкретная и внятная информация о действующих личностях и предпочтениях имеется в отношении устойчивых (гендерных и А.У.Е.) групп, имеющих выходы в офлайн. Остальные пребывают, похоже, в глубоком онлайн, и сведения об их внутренних структурах в большей степени носят гипотетический характер.

Шкала социальной опасности

Попытаемся на основании полученных результатов определить диапазон социальной опасности рассматриваемых групп: насколько они мешают жить другим, каков вред, причиняемый ими людям. Критериями будут выступать: степень радикализма целей и средств; степень присутствия в «реале» (переход организации из онлайн в офлайн); риторика ненависти; общественный резонанс (известность); степень вовлеченности в общественную тематику; наличие насильственных актов.

Группы	Поведенчески-девиантные	Социально вредоносные	Экстремистские
Маскулисты (традиционалисты)		Цели радикального изменения социальной среды, офлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, активно вовлечены в общественную тематику, есть насильственные акты	
Радфемы		Цели радикального изменения социальной среды, офлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, активно вовлечены в общественную тематику, есть публично вызывающие акты	
Тролли	Нет цели радикального изменения социальной среды, только онлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, в целом индифферентны к общественной тематике (лишь одно из средств), нет насильственных актов		
Сообщества криминализованной молодежи			Нет цели радикального изменения социальной среды, офлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, индифферентны к общественной тематике, есть насильственные акты

¹ Бывший старший помощник председателя СКР РФ, генерал-майор юстиции, восемь лет назад одним из первых инициировал расследование феномена А.У.Е.; широко известно его выступление по этому поводу в Госдуме, распространенное в Рунете. В итоге 17 августа 2020 г. принято решение Верховного Суда РФ о признании А.У.Е. экстремистским движением.

² Петербуржец Антон Елфимов, один из лидеров российских догхантеров (данные «Вести FM»).

³ Лидер киевских догхантеров, адвокат (данные «Настоящее время»).

⁴ Д. филос.н., зав. каф. социальной работы Университета туризма, уволен с работы именно за догхантерскую деятельность.

⁵ Ездил по своему району на джипе и палил в дворняг из пневматической винтовки. На его «счету» более 30 собак. Стал образцом для подражания.

Скулшутеры			Нет цели радикального изменения социальной среды, онлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, индифферентны к общественной тематике, есть насильственные акты и жертвы
Догхантеры		Нет цели радикального изменения социальной среды, отчасти офлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, в целом индифферентны к общественной тематике (лишь одно из средств), есть насильственные акты (к животным)	

Применение заявленных критериев позволило выявить три категории в шкале социальной опасности групп ненависти.

К *поведенчески-девиантным*, создающим в основном эмоционально-психологические, нравственные проблемы доступному окружению, отнесена группа «троллей». Прямого социального вреда они не причиняют, и если соблюдать простые меры предосторожности («не кормить троллей»), то можно избежать либо минимизировать неприятности, причиняемые для вожака ими лулза. Естественно, люди, выступающие в роли «троллей», имеют известные проблемы с психикой, ведущие к хроническим поведенческим (моральным) девиациям, которые общество (имеющаяся система интернет-ориентирования и контроля) пока не может ограничивать.

Вторая выявленная категория – *социально вредоносные* группы, к которым отнесены маскулисты, раффемы и догхантеры, уже причиняют социальный вред существенным нарушением эмоционального, психического самочувствия больших групп людей, мировоззренческого баланса и согласия между ними, ставят под серьезное сомнение имеющийся социальный контракт между ними. Они отличаются высоким уровнем агрессивности и риторики ненависти, даже спорадическими насильственными актами (маскулисты, догхантеры), что подводит их к черте экстремизма.

Однако именно систематичность физического насилия, наличие жертв и являются качественной чертой, за которой начинается не потенциальный, а прямой экстремизм. К *экстремистским* группам отнесены две: сообщества криминализованной молодежи (А.У.Е.) и скулшутеры. Симптоматично, что первые буквально недавно наконец-то были признаны таковыми официально нашей правоохранительной системой.

Проблема путей противодействия и качественного изменения ситуации

Следует признать, что проблема преступности несовершеннолетних и склонность молодежи к бунту в целом – это не столько характеристика ситуации в абсолютном большинстве современных стран, какими бы различными в социально-экономическом,

цивилизационно-культурном отношении они ни были, сколько, похоже, антропологическая константа, что, однако, не отменяет задачи ее рационализации и представимой трансформации в более желательном направлении.

Трудно и, скорее всего, невозможно выдумать нечто совсем новое, оставаясь в технологических и социальных рамках современности, но можно обобщить и систематизировать уже имеющиеся, ранее высказанные позитивные идеи.

Проблема молодежных девиаций, в нашем случае в электронном пространстве Рунета, решается двумя группами мер: запретительно-ограничивающего, юридического действия и (или) социально-трансформирующего реформистского движения.

Меры первой группы, соответственно градации групп по шкале социальной опасности (поведенчески-девиантные, социально вредоносные, экстремистские), могут быть таковыми: превенция, существенные ограничения и преследование/искоренение. Первые две меры относимы к регуляции интернет-коммуникаций, третья – собственно к юридическим мерам в «реале». Последняя должна стать поводом для дальнейших серьезных обсуждений в юридическом сообществе, а вот первые уже имеют обозримый опыт применения.

Речь идет о практике ограничения деятельности и блокировки вредоносных аккаунтов. Казалось бы, вполне разумный путь, однако последние исследования [50] показывают, что ни временная, ни полная блокировка подобных аккаунтов не приносит долгосрочных результатов. При блокировке одного из лидеров другие лидеры помогают ему восстановиться или создать новый аккаунт, группы легко перемещаются в другие коммуникационные пространства (социальных сетей, интернет-каналов, мессенджеров и много другого). В силу самой архитектоники Сети технические средства контроля блокировки пока невозможны. А это делает малоприменимыми разрабатываемые юридические меры и в «реале».

Коренной недостаток ограничивающе-запретительных мер в том, что они пытаются остановить активность, признанную деструктивной. Однако поми-

мо того, что действие порождает противодействие, сама энергия отрицания остается, ищет и в конце концов находит иные каналы реализации. Это как устанавливать преграды в русле текущей реки: будучи остановленной в одном месте, она тут же пробивает себе новые русла. Иное дело, если попытаться изменить вектор самой энергии – с отрицательного (для общества) значения на позитивное.

Это в принципе возможно: при помощи педагогов, социальных работников, психологов, которые смогут убедить молодежь идентифицировать себя с установленным порядком и научить ее получать удовольствие от соответствия ему. Либо можно решить проблему склонности к бунту при помощи других молодых людей, вдохновленных новыми великими идеями, позволяющими им сделать в жизни что-то важное и задать творческий тон и новую моду для своих сверстников [51, с. 1411]. Увы, новые «великие идеи» всегда в большом дефиците, но вот создавать позитивные идентификации, нужные для сохранения имеющихся мировоззренческих балансов и социальных контрактов, – задача вполне решаемая, хотя и основательно подзабытая на уровне принятия высших управленческих решений.

Итак, пора подвести итоги и сделать выводы из проведенного исследования.

Получены следующие *результаты* (установлены факты):

1) на основе анализа соответствующего контента социальных сетей и интернет-аккаунтов, при помощи разработанного тезауруса выявлена совокупность интернет-сообществ с характерной «хейтерской» симптоматикой. Из этой совокупности (11) по уточненным дополнительным критериям к «группам ненависти» отнесены шесть: «маскулисты» (традиционалисты), «радфемы» (радикальные феминистки), «тролли», «А.У.Е.», «скулшутеры» и «догхантеры»;

2) установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации выявленных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети ВКонтакте;

3) составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик, ставшие основой для их последующего сопоставительного анализа.

На основании последнего получены следующие **выводы**.

Подтверждена исходная гипотеза исследования о том, что имеется ряд сходных интернет-объединений, отличных от других объединений вызывающе опасным для социума признаком – это ненависть определенной группы людей к другим по одному общему основанию. В группы ненависти объединяются люди, полагающие себя униженными и обиженными некими общими «другими». И хотя опыт унижения

и обид отдельных людей конкретен, он экстраполируется на всю категорию «обидчиков».

Особенно это характерно для гендерных групп (маскулистов и радфемов) и групп подростков (А.У.Е. и скулшутеров). Так, неудачи и унижения в индивидуальном опыте общения: с молодыми женщинами и мужчинами, дворовыми и школьными хулиганами универсализируются, становятся вмененной атрибутикой всей противопологаемой категории, а именно «плохих» женщин и мужчин, «не наших ребят» («быдла», «школоты»). Так формируется и объект ненависти, и прочное объединительное начало существования этих групп.

Несколько отличный источник образования ненависти у двух остальных групп: троллей и догхантеров. Если унижения и неудачи гендерных и подростковых групп все же проистекают, в общем и как правило, из экзистенциально-возрастных особенностей молодежи (юношеская идеалистичность, резкие эмоциональные перепады, не сложившаяся еще рациональность и пр.), то этого нельзя сказать о троллях и догхантерах. Это люди уже достаточно прагматичные, хладнокровные и рациональные. Тем, вероятно, объяснима и их анонимная неуязвимость. Вместе с тем это люди, повзрослевшие скорее физически, научившиеся скрываться, однако так и оставшиеся подростками в культурном отношении: у них слабо интериоризованы важнейшие социальные чувства ответственности и эмпатии.

Другой общий признак – это попытка перекроить традиционно установившееся соотношение разрешений и запретов, утвердив тем самым свою «новую свободу». Гендерные группы стремятся освободиться от «тирании» противоположного пола, а реально установить свой новый контроль. Для троллей свобода – синоним самодурства, для скулшутеров – апокалиптического ресентимента, для криминализованной молодежи – «сумеречная зона» понятий преступного мира, для догхантеров – освобождение от фундаментального запрета культуры на убийство.

Следующий общий признак – «двойная бухгалтерия» целей и средств: одни для презентации, другие для внутреннего негласного взаимопонимания и эмоционального единения. Подобная «бухгалтерия» нужна для «нормализации» своей субкультуры, придания ей респектабельности, а себе – чувства неординарности, особой значимости и роли в обществе, истории, повседневной жизни, для упреждения обвинений в экстремизме и ненависти.

Далее, для них являются общими и ярко выраженной речевой агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение лингвистических средств: преобладание в тезаурусе оскорбительных характеристик, в нарративах – сюжетов собственной исключительности и обуздания «врага».

Другие явно общие черты у них в символике: агрессивность, тяготение к воинственности и насилию в визуальных образах; отличия – в степени развитости символики, зависимой от степени офлайн-присутствия групп.

Наконец, можно заключить на основе сопоставления, что из шести групп ненависти четыре уже определены стали субкультурами. Это прежде всего гендерные: маскулисты и радфемы, которые имеют устойчивую демографическую базу своего воспроизводства: молодых мужчин и женщин, часть которых неизбежно получают свой фрустрационный опыт в общении с противоположным полом. А поскольку поколения постоянно обновляются, т.е. на подходе всегда все новые и новые, то их база постоянна, что обеспечивает им устойчивость воспроизводства. Следует ожидать интенсификацию процессов их субкультурного строительства.

То же можно сказать и о сообществах криминализованной молодежи. Здесь также можно говорить о стабильности условий их воспроизводства – до тех пор, пока существуют прежде всего социально уязвимые семьи и депрессивные регионы. Можно предположить, что если качественно изменится отечественная социальная политика, то база молодежного хулиганства резко сократится.

Тролли как субкультура достаточно бурно развивается, но только в электронном пространстве – в силу ее принципиальной анонимности и индивидуальности. Это же ставит границы ее дальнейшего развития: отсутствие совместного поиска ценностно-мировоззренческого консенсуса (в том числе и офлайн) делает субкультуру рыхлой и плюралистичной, временно объединяющей в себе очень разных людей. И она сильно зависима от изменений условий

и правил игры в киберпространстве (новые формы общения, модерации и т.п.), а также от непредсказуемых здесь процессов смены поколений (*old* тролли не испытывают чувств преемства к новым, тем более в отсутствии офлайн).

Субкультура догхантеров также носит довольно аморфный характер: во-первых, из-за крайне неблагоприятного их общественного публицити; во-вторых, из-за принципиальной ситуативности проблемы, их породившей, при решении которой исчезнет объединительная почва.

Наибольшие затруднения вызывает анализ и оценка субкультуры скулшутеров. С одной стороны, у них уже существуют своя символика, мифология, музыка, воспроизводимые независимо от особенностей культур или местных социально-экономических условий, с другой же – она существует, как и тролли, в основном в онлайн, а крайне молодой, эмоционально нестабильный, мировоззренчески незрелый и текучий состав делает их перспективы малоопределенными.

Наконец, определен диапазон социальной опасности этих групп ненависти. По ряду критериев они отнесены к трем категориям. Это поведенчески-девиантные группы («тролли»), создающие в основном эмоционально-психологические, нравственные проблемы своему доступному окружению, но не причиняющие реального социального вреда. Далее, это социально вредоносные группы (маскулисты, радфемы и догхантеры), уже причиняющие социальный вред существенным нарушением эмоционального, психического самочувствия больших групп людей. И к экстремистским отнесены две из рассмотренных групп – А.У.Е. и скулшутеры – из-за систематичности применения физического насилия, наличия массовых жертв.

Пристатейный библиографический список

1. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионоведение. 2019. Т. 27. № 3.
2. Никитина Т. А., Терентьева И. А. Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник Поволжского института управления 2019. Т. 19. № 3.
3. Бутенко А. С. Экстремизм в сети Интернет : понятие и сущность // Юрист-Правовед. 2019. № 2 (89).
4. Пащенко И. В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет : технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (2).
5. Буткевич С. А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве : выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1 (39).
6. Нерубенко А. С., Елисеева Е. С. Экстремизм как социально-правовое явление : распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 1.
7. Болдырев Е. В., Гонтаренко Н. Н. Молодежный экстремизм в социальных сетях : анализ основных трендов и мер противодействия // Обзор.НЦПТИ. 2020. Вып. № 2 (21).
8. Мурюкина Е. В. Медиаобразовательный анализ террористических сайтов для молодежи // Медиаобразование. 2017. № 1.
9. Рудик М. В., Волков Д. В. Социальные сети как средство распространения экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36).

10. Ключко Е. И. Социально-интегративные аспекты дискурсивных практик националистических интернет-сообществ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 2.
11. Стышинский М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59).
12. Быкадорова А. С., Чурилов С. А., Шаповалова Е. В. Экстремизация молодежной аудитории сети Интернет // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3.
13. Ушкин С. Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. 2014. № 6.
14. Антонова Ю. А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. 2012. № 4.
15. Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15).
16. Кузьмин А. Г. «Правый» Интернет в России : специфика развития и проблемы противодействия // Политэкс. 2008. Т. 4. № 3.
17. Sest N., March E. Constructing the Cyber-Troll: Psychopathy, Sadism, and Empathy // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 119 (1).
18. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг : речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 2.
19. Акулич М. М. Троллинг в социальных сетях : возникновение и развитие // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2012. № 3.
20. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 1.
21. Клименко Н. С. «Чайлдфри» и «яжемать» как биполярные категории современной фемининности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 40.
22. Меняйло Д. В., Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н. АУЕ – криминальное молодежное движение : сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3.
23. Чурун С. Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 1.
24. Демидова-Петрова Е. В. Информационный фактор в детерминации современной преступности несовершеннолетних (на примере феномена «А.У.Е.») // Криминология и криминалистика. 2018. № 1.
25. Карпов В. О. Культ Колумбайна : основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4.
26. Игумнов С. А., Зарецкий В. В., Шамарова Е. Ю. Сайты аутодеструктивного содержания в русскоязычном сегменте интернет // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. Т. 18. № 4.
27. Капытина Т. П. Догхантинг как социально-опасное психологическое явление на современном этапе развития российского общества // Психология : проблемы практического применения (II) : материалы международного науч. конф. (г. Чита, июнь 2013 г.). Чита : Молодой ученый, 2013.
28. Абросимова Е. А., Шкайдерова Т. В. Фрагменты языковой картины мира тематических виртуальных сообществ (на материале интернет-форумов, посвященных собакам) // Вестник Омского университета. 2012. № 3.
29. Поиск Топ-групп ВКонтакте // Vktoppost.ru : сайт. URL: <https://vktoppost.ru> (дата обращения: 08.08.2020).
30. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М. : Вече ; АСТ, 2002.
31. Байковский Ю. В., Самойлов Н. Г., Алешичева А. В. Экстремальная психология : словарь терминов. М. : АГСПА, 2018.
32. Военно-психологический словарь-справочник / под общ. ред. Ю. П. Зинченко. М. : ИД Куприянова ; Общество психологов силовых структур, 2010.
33. Кошенова М. И., Волохова В. И. Суицидальное поведение подростков XXI века : мифы и реальность // РЕМ : Psychology. Educology. Medicine. 2019. № 1.
34. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме : от хикикомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54).
35. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий : социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1.
36. Сидорова М. Ю., Маценуро Д. Г., Гайбуллаев А. З. Киберсамоубийство и цифровой селфхарм : общая проблематика и компьютерные решения // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 28. № 3.

37. Петров А. И., Смирнова О. С., Чумак Б. Б. Анализ контента социальной сети на примере квестовой игры суицидального характера, направленной на детей и подростков // *International Journal of Open Information Technologies*. 2017. Т. 5. № 6.
38. Краснова К. А., Ережипалиев Д. И. Противодействие кибербуллице как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // *Юристъ-Правоведъ*. 2017. № 3.
39. Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // *Суицидология*. 2017. Т. 8. № 3 (28).
40. Архипова А., Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е. «Группы смерти»: от игры к моральной панике. М.: РАНХиГС, 2017.
41. Брябрина Т. В., Гиберт А. И., Штрахова А. В. Опыт контент-анализа суицидальных высказываний в сети интернет лиц с различным уровнем суицидальной активности // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2016. Т. 9. № 3.
42. Демдоуми Н. Ю., Денисов Ю. П. Распространение «суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного Интернета как проблема мультидисциплинарных исследований // *Суицидология*. 2014. Т. 5. № 2 (15).
43. Радченко Д. А. «Падоночество»: социальный феномен и языковая игра // *Молодежные субкультуры Москвы* / сост. Д. В. Громов, отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.
44. Таратухина Ю. В. Функционирование «жаргона падонокв» в пространстве Рунета // *Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности: сборник статей* / сост. А. С. Каргин, А. В. Костина. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007.
45. Алексеевский М. Д. «Возьми трубку и зажги мир!»: молодежное сообщество пранкеров в России // *Молодежные субкультуры Москвы* / сост. Д. В. Громов, отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.
46. Роскомнадзор. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено: сайт. URL: <http://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 08.08.2020).
47. Филлипс У. Краткая история троллинга. Антисоциальная сеть // *Интерфакс-Запад: сайт*. URL: https://interfax.by/news/nauka_i_tekhnologii/obzory_i_issledovanija/101988/ (дата обращения: 08.08.2020).
48. Уголовная империя. 2001–2017 гг. Дополнения А. Захаров // *Аферы Подделки Криминал: сайт*. URL: https://aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm (дата обращения: 08.08.2020).
49. Малахова Е. В. Методологические подходы и принципы исследования современной молодежной субкультуры // *Известия МГТУ «МАМИ»*. 2014. Т. 5. № 1 (19).
50. Самосват О. И., Брежнева Т. С., Шмеерова Е. П. Эффективность блокировки деструктивных групп в социальных сетях // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 1.
51. Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М.: Эксмо, 2013.

References

1. Bareev M. Iu., Kachurina I. O. YouTube as a Factor in Shaping the Protest Potential of Youth. *Regionology*. 2019. Vol. 27. No. 3.
2. Nikitina T. A., Terentjeva I. A. Countering the Spread of Extremist Ideology in the Information Space of Russia. *Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2019. Vol. 19. No. 3.
3. Butenko A. S. Extremism on the Internet: Concept and Essence. *Lawyer*. 2019. No. 2 (89).
4. Pashchenko I. V. The Ideology of Terrorist Communities on the Internet: Dissemination Technologies and Specificity of Counteraction. *Caucasian Science Bridge*. 2018. No. 1 (2).
5. Butkevich S. A. Extremism and Terrorism in Cyberspace: Detection, Neutralization and Prevention. *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. No. 1 (39).
6. Nerubenko A. S., Eliseeva E. S. Extremism as a Social and Legal Phenomenon: The Spread of Extremist Materials on the Internet. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. No. 1.
7. Boldyrev E. V., Gontarenko N. N. Youth Extremism on Social Media: An Analysis of the Main Trends and Countermeasures. *Overview. NTsPTI*. 2020. Iss. 2 (21).
8. Muriukina E. V. Media Education Analysis of Terrorist Sites for Youth. *Media Education*. 2017. No. 1.
9. Rudik M. V., Volkov D. V. Social Media as a Means of Spreading Extremism. *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2017. No. 2 (36).
10. Kliuchko E. I. Socio-Integrative Aspects of Discursive Practices of Nationalist Internet Communities. *Bulletin of SUSU. Series "Social Sciences and Humanities"*. 2016. Vol. 16. No. 2.
11. Styshinskii M. Jihadist Propaganda on the Internet and Social Media. *Political Linguistics*. 2016. No. 5 (59).

12. Bykadorova A. S., Churilov S. A., Shapovalova E. V. Extremization of the Internet Youth Audience. *Kazan Pedagogical Journal*. 2016. No. 3.
13. Ushkin S. G. User Comments to Protest Actions in the Russian-Language Segment of YouTube. *Sociological Studies*. 2014. No. 6.
14. Antonova Iu. A. The Virtual Community in a Social Network as a Way of Spreading Extremist Ideology Among Young People. *Political Linguistics*. 2012. No. 4.
15. Salimovskii V. A., Ermakova L. M. Extremist Discourse in the Mass Communication of the Runet. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2011. Iss. 3 (15).
16. Kuzmin A. G. "Right" Internet in Russia: The Specifics of Development and the Problem of Counteraction. *Po-litex*. 2008. Vol. 4. No. 3.
17. Sest N., March E. Constructing the Cyber-Troll: Psychopathy, Sadism, and Empathy. *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 119 (1).
18. Vorontsova T. A. Trolling and Flaming: Speech Aggression in Internet Communication. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2016. Vol. 26. Iss. 2.
19. Akulich M. M. Trolling in Social Networks: Emergence and Development. *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 2012. No. 3.
20. Vnebrachnykh R. A. Trolling as a Form of Social Aggression in Virtual Communities. *Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*. 2012. Iss. 1.
21. Klimenko N. S. "Childfree" and "Yazhemat'" as Bipolar Categories of Modern Femininity. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2017. No. 40.
22. Meniailo D. V., Ivanova Iu. A., Meniailo L. N. AUE – Criminal Youth Movement: Essence and Methods of Distribution. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2019. No. 3.
23. Chirun S. N. Youth "AUE" as an Integral Phenomenon of Russian Postmodernism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No. 1.
24. Demidova-Petrova E. V. Information Factor in the Determination of Modern Juvenile Delinquency (by the Example of the Phenomenon of "AUE"). *Criminology and Criminalistics*. 2018. No. 1.
25. Karpov V. O. The Cult of Columbine: the Main Determinants of Mass Murder in Schools. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. Vol. 9. No. 4.
26. Igumnov S. A., Zaretskii V. V., Shamarova E. Iu. Sites of Self-Destructive Content in the Russian-Speaking Segment of the Internet. *Questions of Mental Health of Children and Adolescents*. 2018. Vol. 18. No. 4.
27. Kapytina T. P. Doghunting as a Socially Dangerous Psychological Phenomenon at the Present Stage of Development of Russian Society. In *Psychology: Problems of Practical Application (II): Materials of the International Scientific Conference (Chita, June 2013)*. Chita: Molodoi uchenyi, 2013.
28. Abrosimova E. A., Shkaiderova T. V. Fragments of the Linguistic Picture of the World of Thematic Virtual Communities (on the Material of Internet Forums Dedicated to Dogs). *Omsk University Bulletin*. 2012. No. 3.
29. Search for Top VKontakte Groups. URL: <https://vktoppost.ru> (date of the application: 08.08.2020).
30. Reber A. (ed.). *Oxford Dictionary of Psychology*. Moscow: Veche; AST, 2002.
31. Baikovskii Iu. V., Samoilov N. G., Aleshicheva A. V. *Extreme Psychology: Glossary of Terms*. Moscow: AGSPA, 2018.
32. Zinchenko Iu. P. (ed.). *Military Psychological Dictionary-Reference*. Moscow: ID Kupriianov; Society of Law Enforcement Psychologists, 2010.
33. Koshenova M. I., Volokhova V. I. Suicidal Behavior of Adolescents in the 21st century: Myths and Reality. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. 2019. No. 1.
34. Baeva L. V. Escapism in a Digital Society: From Hikikomori to "Death Groups". *Values and Meanings*. 2018. No. 2 (54).
35. Bychkova A. M., Radnaeva E. L. Driving to Suicide Using Internet Technologies: Socio-Psychological, Criminological and Criminal-Legal Aspects. *All-Russian Criminological Journal*. 2018. Vol. 12. No. 1.
36. Sidorova M. Iu., Matsepuro D. G., Gaibullaev A. Z. Cyber Suicide and Digital Selfharm: General Problems and Computer Solutions. *Social and Clinical Psychiatry*. 2018. Vol. 28. No. 3.
37. Petrov A. I., Smirnova O. S., Chumak B. B. Analysis of the Content of a Social Network using the Example of a Suicidal Quest Game Aimed at Children and Adolescents. *International Journal of Open Information Technologies*. 2017. Vol. 5. No. 6.
38. Krasnova K. A., Erezhipaliev D. I. Counteraction to Cyberbullicide as a Means of Preventing Juvenile Suicides. *Lawyer*. 2017. No. 3.
39. Uzlov N. D., Semenova M. N. Game, Transgression and Network Suicide. *Suicidology*. 2017. Vol. 8. No. 3 (28).
40. Arkhipova A., Volkova M., Kirziuk A., Malaia E., Radchenko D., Iugai E. "Groups of Death": From Game to Moral Panic. Moscow: RANEPА. 2017.

41. Briabrina T. V., Gibert A. I., Shtrakhova A. V. Experience of Content Analysis of Suicidal Statements on the Internet of Persons with Different Levels of Suicidal Activity. *Bulletin of SUSU. Series "Psychology"*. 2016. Vol. 9. No. 3.
42. Demdoumi N. Iu., Denisov Iu. P. Distribution of "Suicidal Content" in the Cyberspace of the Russian-Speaking Internet as a Problem of Multidisciplinary Research. *Suicidology*. 2014. Vol. 5. No. 2 (15).
43. Radchenko D. A. "Padonochestvo": A Social Phenomenon and a Language Game. In Gromov D. V. (comp.); Martynov M. Iu. (ed.). *Youth Subcultures of Moscow*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2009.
44. Taratukhina Iu. V. The Functioning of the "zhargon padonkov" in the Runet Space. In Kargin A. S., Kostina A. V. (comp.). *Folk-art-net: New Horizons of Creativity. From Tradition to Virtuality: Collection of Articles*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore, 2007.
45. Alekseevskii M. D. "Pick up Tobacco Pipe and Light the World!": The Youth Community of Pranks in Russia. In Gromov D. V. (comp.); Martynov M. Iu. (ed.). *Youth Subcultures of Moscow*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2009.
46. Roskomnadzor. A Unified Register of Domain Names, Pointers to Pages of Sites on the Internet and Network Addresses that allow You to Identify Cites on the Internet, Containing Information, the Distribution of which is Prohibited in the Russian Federation. URL: <http://eais.rkn.gov.ru/> (date of the application: 08.08.2020).
47. Phillips W. A Brief History of Trolling. Antisocial Network. URL: https://interfax.by/news/nauka_i_tekhnologii/obzory_i_issledovaniya/101988/ (date of the application: 08.08.2020).
48. Criminal Empire. 2001–2017. Additions A. Zakharov. URL: https://aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm (date of the application: 08.08.2020).
49. Malakhova E. V. Methodological Approaches and Principles of the Study of Modern Youth Subculture. *Izvestiya MSTU "MAMI"*. 2014. Vol. 5. No. 1 (19).
50. Samosvat O. I., Brezhneva T. S., Shmeerova E. R. Effectiveness of Blocking Destructive Groups in Social Networks. *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2020. No. 1.
51. Hodgson M. *History of Islam: Islamic Civilization from Birth to the Present*. Moscow: Eksmo, 2013.